

МОЖЕТ ЛИ ИСТОРИЯ ЗАМЕНИТЬ ФИЛОСОФИЮ?

(Историческая наука на пороге XXI века.
Новосибирск, 2001)

Хотя история и философия являются весьма близкими соседями в семействе наук, традиционно именуемых гуманитарными, историки и философы в значительной степени расходятся в отношении как методов, так и предмета исследования. Конечно, не следует полагать, что наличие таких областей исследования, как история философии и философия истории преодолевает указанное расхождение, потому что эти исследования принадлежат философии, а не истории. Тем не менее, время от времени наблюдается ярко выраженная экспансия одной науки в область другой. Истории одного такого «набега» посвящена данная статья. Речь идет об утверждении огромной важности истории для исследований в области философии науки, этики и эпистемологии. Уже сам перечень дисциплин, которые подверглись экспансии со стороны истории, говорит о том, что задеты центральные разделы философии, и поэтому вполне правомерен вопрос, поставленный в заголовок статьи.

Начало этому процессу было положено ставшей ныне знаменитой книгой Томаса Куна *Структура научных революций*. Понятия парадигмы мышления, несоизмеримости парадигм, важности исторического контекста в формулировании парадигмы и прочего стали обиходными в философских разговорах, начиная с 1960-х гг. Не менее важными в этом отношении были труды Мишеля Фуко, начиная с работы, которая имеет характерное название *Археология гуманитарных наук*. Мощные атаки на эпистемологию и этику, осуществленные в двух влиятельнейших книгах – Р. Рорти *Философия и зеркало природы* и А. Макинтайра *После добродетели* – придали завершенность процессу замены в некотором смысле философии историей. Ясно, что этот процесс тесно связан с другими процессами, характерными для философии в последнее время, а именно с постмодернистской «деконструкцией» философии, с «научными войнами» между аналитической философией науки и социологией науки, с критикой рациональности как таковой. В целом все эти процессы в значительнейшей степени меняют лицо современной философии, и представляется весьма важным ана-

лиз того, в какой степени такая трансформация является обоснованной и благоприятной.

Прежде всего, история становится важной в философии, если принимается трактовка Куна развития науки как серии парадигм, несоизмеримых друг с другом. Перенос концепции Куна с науки на все интеллектуальные процессы привел к тому, что несоизмеримость не позволяет усмотреть в них какие-либо глобальные закономерности, которые в первую очередь интересуют философию. Зато на первое место выходит описание реальных, формирующих или причастных к созданию парадигм. Такое описание является функцией истории, которая теперь претендует на объяснение многого из того, что ранее было прерогативой философии.

Парадигмы Куна, хотя они и известны большей части образованной публике, не являются единственными концепциями, относящимися к несоизмеримости. Такими концепциями являются эпистемы М. Фуко, словари Р. Рорти, исследовательские программы И. Лакатоса и др. Каждая из них приспособлена к соответствующей общей философской программе и каждая утверждает важность в соответствующей области исторических исследований. Даже такая строгая область науки, как математика, которая по общему убеждению представляет собой дедуктивную схему, не подвластную историческим соображениям, предстает у Лакатоса как череда догадок и опровержений. Смена гипотез, их доказательств и опровержений оказывается реальной историей развития математики¹. Парадигмы Куна выдвигают в физике на первый план историю². Эпистемы М. Фуко объясняют историческими обстоятельствами политические, психологические, криминальные и медицинские институты общества³. Словари Р. Рорти объясняют сдвиги в интеллектуальной жизни Европы как исторически обставленную смену способов описания и переописания человека и общества⁴. Объявление А. Макинтайром программы рационального обоснования морали, исторически обанкротившейся, сделало рациональность контингентным историческим событием, а не закономерным завершением гегелевского процесса⁵.

¹ Лакатос И. Доказательства и опровержения. – М., 1964.

² Кун Т. Структура научных революций. – М., 1972.

³ Фуко М. Слова и вещи. – М., 1997.

⁴ Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск, 1997.

⁵ Макинтайр А. После добродетели. – М., 2000.

Как видно, упор на историю делается не только в гуманитарных науках, где это выглядит более или менее привычно, но и в естественных науках. Именно это обстоятельство делает новую тенденцию в философии беспокоящей. Как замечал еще Галилей,

если мы обсуждаем понятие права или гуманитарных наук, в которых ничто не является ни истинным, ни ложным, тот тут следует положиться на тонкости ума и хорошо подвешенный язык и полагать более правдоподобными и лучшими мнения тех, кто преуспел в такого рода способностях. Но в естественных науках, заключения которых истинны и необходимы, не имеют ничего общего с человеческой волей, нужно остерегаться ошибки, потому что здесь тысяча Демосфенов и тысяча Аристотелей будут побиты любой посредственностью, которой выпало напасть на истину⁶.

Историчность парадигм ведет к полному релятивизму, который отрицает возможность научного познания природы вообще, так как все парадигмы, посредством которых ученые понимают природу, преходящи.

Но успех концепции Куна был связан не столько с тем, что она была принята физиками (они-то как раз почти единодушно отвергли ее), а с тем, что пришлось по душе социальным ученым – политологам, социологам, антропологам. В социальных науках свидетельства и эксперименты, играющие главную роль в естественных науках, уступают по важности теориям. Кун провозгласил это нормой для естественных наук. И то, что ранее было затруднением для социальных ученых, оказалось, к их радости, практикой в уважаемых науках. Каждый ученый имеет возможность рассматривать себя как революционного героя новой парадигмы, и стыд истеблишменту, если с таким исследователем обращаются плохо.

Что касается ученых в области естественных наук, то они были весьма удивлены реакцией образованной публики на концепцию Куна; в большинстве своем эти люди, сведущие в науке, последовали за Куном в его замене логики и философии историей и социологией. Например, смена теории Птолемея теорией Коперника трактуется в терминах социальных причин. Это объяснение находится в противоречии с другим, которое утверждает, что последующая теория имеет лучшее экспериментальное подтверждение. Контраст в видах объяснения был центром споров в так называемых *научных войнах*.

⁶ Цит. по: www.newcriterion.com/archive/18/jun00/kuhn.htm

Представители естественных наук атаковали такое понимание научной деятельности⁷.

Логическим завершением вторжения истории и социологии в область естественных наук является концепция социального конструирования. С этой точки зрения, различные ученые обычно приходят к соглашению по поводу того, что они говорят о реальности, но причина этого находится не в реальности, а в самих ученых, в частности в их социальных отношениях. Человеческие группы могут иметь много общего, так что для них вполне естественно соглашаться по поводу многих вещей. В основе поворота к историческому и социологическому объяснению лежит отказ от логики и принятие тезиса, что знание существует только через его воплощение в лингвистической и других практиках, и что результат такого воплощения, в свою очередь, трансформируется в научной коммуне. Таким образом, с точки зрения социальных конструктивистов, едва ли какой-нибудь глобальный взгляд на мир сохранится в ходе такой трансформации. Так, С. Фуллер говорит, что даже если научные теории истинны, они не могут сохранять эту истинность в ходе трансформации⁸. Этот аргумент лежит в основе многих иррационалистских программ в истории мысли, от классического идеализма до культурного релятивизма. Суть этого аргумента такова: мы можем знать вещи только через причинные (социальные) процессы, действующие на мозги реальных ученых, следовательно, содержание наших теорий полностью объясняется социальными факторами, опосредующими их, т.е. мы не можем знать вещи, как они есть.

Стандартная философия науки делает упор на кумулятивности научных результатов, на структуру научной теории, логику ее языка. Упор на историю и социологию науки, начавшийся с Куна, приводит к парадоксальной ситуации. С одной стороны, история науки пытается подменить философию науки. С другой стороны, философия науки имеет дело, прежде всего, с новейшими достижениями науки, тогда как собственная работа истории науки касается прошлых парадигм, требует определенной отстраненности и отдаленности по времени. Однако когда подходит очередь современных парадигм, роль историка сводится просто к роли архивариуса, человека, который гарантирует, что записи о сегодняшних ученых сохранятся для буду-

⁷ См., например: *Gross P, Levitt N. Higher Superstition*, 1994.

⁸ *Fuller S., Kuhn T. A Philosophical History of Our Times*. – Chicago UP.

щих историков, которые будут рассматривать ситуацию с некоторой дистанции. При таком положении дел претензии истории науки в стиле Куна становятся необоснованными. Но поскольку тенденция замены логики и философии историей и социологией поддерживается многими другими тенденциями в философии, неизбежным становится появление альтернативных Куну концепций истории и философии науки.

Куна уже обвиняли в субъективности во взгляде на науку, имея в виду, прежде всего то обстоятельство, что парадигма со времени второго издания его книги *Структура научных революций* стала пониматься им гораздо более расширительно по сравнению с первым изданием. Теперь парадигма – это не глобальный стиль мышления, свойственный целым эпохам, а мнение коммуны, вплоть до отдельной научной лаборатории. Тем не менее, Кун работает с объективными фактами, разделяемыми всеми исследователями; другое дело, что их интерпретация в его концепции противоречит стандартной философии науки. Одной из альтернатив историческому подходу Куна является прямой упор на субъективность тех архивных данных, к которым прибегает типичный историк. В качестве такого субъективного источника исторических сведений предстает «открытый разговор» Томаса Содерквиста⁹. Он провел интервью в течение около 700 часов с одним Нобелевским лауреатом – иммунологом, которое и представил в качестве первичных исследовательских данных. Историк не просто пытается организовать и сконструировать архивные данные для установления того, кто сделал что, когда, как и почему, но, что более важно, он становится близок к жизни ученого, или более точно, к открытию того, что такое ученый. По выражению С. Фуллера,

основной продукт 700 часов – это не гора фактов, но узы интимности и доверия, которые позволяют историку оценить экзистенциальную амбивалентность ученого в его собственных терминах, а также симптоматичные множественные социальные силы, действующие на ученого. Вероятно, основной вызов, который делается этим видом историографии, есть принятие стиля писания, который отдает должное феноменологии научного опыта, и в то же самое время придает вес тем аспектам научной реальности, которые он хотел бы забыть или вспомнить¹⁰.

⁹ См.: *Goteborg Workshop on the Historiography of Contemporary Science* 1994, Upsala 1996.

¹⁰ Fuller S. (steve.fuller@durham.ac.uk) Who afraid of the history of contemporary science?

Известный социолог Гарри Коллинз полагает, что главным препятствием на пути к подлинному историческому исследованию является миф, который довлеет над исследователем и не позволяет ему пробиться к пониманию того, что «было на самом деле». Миф является причиной и следствием канона, который создается при изучении прошлого, и единственным способом избежать влияния канона в случае истории науки представляется изучение настоящего. По этой причине интервью также для Коллинза является надежным средством понимания того, что происходит в науке. Нарратив ученого позволяет ему сохранить свою автономию; впрочем, она в этом случае сохраняется и для истории.

Между тем ситуация с дилеммой философия науки / история науки представляет значительный интерес и с политической точки зрения. В крупнейших научных центрах Америки и Европы бушует необъявленная война, получившая название научных войн. Предмет ожесточенных споров – статус науки в современном индустриальном обществе, что кажется парадоксальным, поскольку именно научные достижения лежат в основе технологических достижений. Тем не менее, социальное положение науки не кажется безоблачным: например, вера в чудеса геной инженерии является повсеместной, но в той же мере распространен и скепсис относительно ее долговременных последствий. Фундаментальная наука находится в опасности в силу не только недостатка экономических ресурсов, но и ряда социально-политических причин, которые кажутся широкой публике настолько абстрактными, что вряд ли стоит говорить о них. Но вдумчивый анализ показывает, что огромное значение имеет то обстоятельство, насколько действенны рациональные силы в обществе. Стандарты рациональности современного общества устанавливает наука, но надо признать, что приверженность общества науке совсем не рациональна, и в значительной степени подвержена идеологии. Недаром во времена недавнего радикального сокращения ассигнований на фундаментальную науку правительством М. Тэтчер в Великобритании, газета «Таймс» опубликовала большую статью с портретами четырех виднейших философов – Карла Поппера, Томаса Куна, Имре Лакатоса и Поля Фейерабенда, обвиняя их в падении престижа науки в британском общественном мнении. Все четыре «злодея-философа» причастны к обоснованию так называемого релятивизма, согласно которому наука не имеет приоритета в установлении рациональности и сама по себе не более рациональна, чем любой вид человеческой деятельности. Низвержение нау-

ки с пьедестала, по мнению многих, стало причиной резкого охлаждения к ней общества. Трудно сказать, насколько вердикт «Таймс» справедлив, но философы, иррационализм которых действительно весьма повлиял на взгляды на науку, инициировали и более глубокие процессы взаимоотношения общества и науки.

Дело совсем не в том, что общество стало враждебным или безразличным к науке. С точки зрения противников выделенного положения науки, она действительно сошла с пьедестала и занимает теперь совсем иное место в западной культуре. Но не следует упрощать ситуацию, как это часто делают сторонники науки, и утверждать, что неудовлетворенность наукой должна быть обязательно результатом невежества. Попытка избежать крайностей в таком сложном вопросе и привела к научным войнам.

Инициаторами научных войн были представители нового направления в истории, философии и социологии науки, известного под названием «исследование науки» – *Science Studies* или *Science, Technology and Society* (в переводе это, скорее, «науковедение», только на русском языке этот термин имеет позитивную коннотацию, а здесь – отрицательную). Типичным, а может быть, даже наиболее ярким представителем этого направления является уже упомянутый нами модный социолог, профессор университета Durham (Великобритания) американец Стив Фуллер. В Америке, с ее развитыми институтами гражданского общества, критика устоявшихся взглядов о природе науки со стороны этого направления (назовем его ИН – исследование науки) была поддержана многими радикальными течениями в академическом мире – постмодернистами, феминистами, мультикультуралистами. Все эти направления, скорее, принадлежат гуманитарной науке и, казалось бы, не могут оказывать никакого влияния на ситуацию с фундаментальной наукой. Но случилось так, что аргументы, используемые представителями ИН, начали активно обсуждаться на управленческих форумах, где принимаются решения об урезании дорогих научных бюджетов, а также об уменьшении набора студентов на естественные факультеты. А это уже совсем другое дело, и в ответ раздался залп со стороны представителей фундаментальной науки – публикация в 1992 г. двух научно-популярных книг, одна из которых принадлежит американскому физическому С. Вайнбергу – *Dreams of a Final Theory*, а другая – британскому биологу Льюису Вольперту – *The Unnatural Nature of Science*. Затем вышла в свет обстоятельная книга Поля Гросса и Нормана Левита – *Higher Superstition*. В этих книгах подвергнут кри-

тике источник цинизма ИН относительно возможности науки в решении мировых проблем. Быть может, следует привести типичный образец подобного «цинизма», являющегося средством в научных войнах. Представители ИН приветствовали (а может, и приложили руку к этому) решение Конгресса США прекратить финансирование суперколлайдера в Техасе, утверждая, что трата 10 млрд долл. никак не оправдана необходимостью выполнения физикой ее «исторической миссии». Надо также заметить, что доказательства сторонников ИН отнюдь не ограничены так сказать гуманитарными аргументами о рациональности или иррационализме. Например, профессор Линдли в 1993 г. высказал весьма типичное для ИН суждение о том, что для физических теорий было бы эффективнее в терминах затрат проверять теории компьютерной симуляцией, чем с помощью все больших ускорителей. И зря, говорит он, физики считают это попыткой лишить их дополнительных денег для исследования природы реальности. Ведь, в конце концов ускорители сами по себе являются устройствами по симуляции первых миллисекунд существования Вселенной после «Большого Взрыва» и были предложены в качестве такого инструмента полвека назад, а теперь пора думать о новых подходах, имея в виду и интересы общества. Для этого требуется соответствующий сдвиг в методологии, предполагающий, в свою очередь, соответствующую компьютерную сноровку со стороны физиков.

С. Фуллер утверждает, что наука не является четко определенной деятельностью. Скорее, это много видов деятельности, которые больше связаны с социальным контекстом, нежели друг с другом. На любом этапе своей истории наука могла бы идти в самых разных направлениях. Те немногие пути, которые действительно найдены ею, выбраны благодаря сопутствующим политическим, экономическим и культурным факторам. Тут нет ничего уникально рационального, объективного или ориентированного на истину, что присуще так называемому научному исследованию. И тогда ученые оказываются не более рациональными, чем остальное человечество.

Такая точка зрения на науку и ученых родилась в атмосфере конца XX в., но истоки ее восходят к тому времени, когда наука оказалась охваченной неприятной философской болезнью. Джеймс Франклин прекрасно выразил ситуацию такими словами:

Высокие теории в физике были хорошей наукой, но на пути к популяризации она приобрела некоторые аспекты немецкого идеализма, который одел

ее в одежды разговора о реальности, которая «зависит от наблюдателя». Достижения генетики постигла та же судьба, в основном благодаря мошеннически извращенному панглоссианизму объяснений типа «эгоистичного гена» в социобиологии. Настоящая наука, тот вид ее, который требует серьезного мышления и обнаружения истины, в значительной степени скрылась из виду. Тем не менее, она все еще жива, и за ней несколько счастливых поколений преданных исследованиям людей, которые почти не обращают внимания на многочисленные демонстрации культурных комментаторов, провозглашающих, что преследование истины больше невозможно¹¹.

Если перейти от истории науки к гуманитарным областям, например к этике, то мы наблюдаем ту же картину: спор идет о том, в какой степени история может заменить собственно философию. Философия как область человеческой культуры, в которой важнейшую роль играет аргументация, стремление к истине, объективность и в конечном счете рациональность, имеет много общего с научными добродетелями. Такая философия часто именуется аналитической, и именно к этой области принадлежит философия науки. Но, как утверждает А. Макинтайр,

хотя аргументы, приветствуемые аналитической философией, действительно обладают неотразимой силой, такие аргументы могут поддержать утверждения философа об истине и рациональности взгляда только в контексте конкретного жанра исторического исследования... Предмет моральной философии – оценочные и нормативные концепции, максимы, аргументы и суждения, являющиеся предметом исследования морального философа, – не может быть найден ни в каком другом месте, за исключением исторической жизни конкретной социальной группы¹².

Мы ограничились практически лишь одной областью – философией науки – для иллюстрации той дилеммы, которая возникла при вторжении истории в естественные и гуманитарные науки. Сама по себе дилемма является острой, и озабоченность философов по этому поводу прекрасно выражена словами видного американского философа У. Франкены: «Меня беспокоит отсутствие различия между историей и философией, или впечатление, что историческое исследование может сформулировать философскую точку зрения»¹³.

¹¹ www.newcriterion.com/archive/18/junOO/kuhn.htm

¹² Макинтайр А. После добродетели. – М., 2000. – С. 358.

¹³ Frankena W. Ethics. – 1983. – No. 93. – P. 500.